

"Песни и пляски смерти" на концерте памяти Чайковского

В пятницу в Большом зале Московской консерватории в рамках фестиваля, посвященного столетию со дня смерти Чайковского, состоялся концерт Дмитрия Хворостовского (баритон) и Михаила Аркадьева (фортепиано). Зал был заполнен до отказа; среди зрителей можно было увидеть Ирину Архипову, Марию Биешу, Евгения Колобова, Наталию Троицкую, Святослава Бэлзу. Гонорар передавался в фонд реставрации Большого зала. О концерте рассказывает музыковед ИОЛАНТА Ъ-ДАНОВА.

В первом отделении было исполнено десять произведений Чайковского. Может быть, потому, что отмечалась дата смерти, некоторые романсы звучали несколько погребально (даже такой жизнеутверждающий, как "То было раннею весной"). К сожалению, в голосе певца присутствовали и излишнее вибрато, и заметная детонация, и форсирование звука. Зато изумительное пиано Хворостовского — в романсах "Средь шумного бала", "Мой гений, мой ангел, мой друг" и заключительной "Ноченьке" — не могло не заворожить, а романс "О, если б ты могла хоть на единый миг" поразил множеством оттенков в выражении чувства. Но все это были печальные и сумрачные краски, средоточием которых стала inferнальная "Любовь мертвеца" на стихи Лермонтова. Здесь даже утрированное вибрато оказалось к месту: образ был вылеплен столь отчетливо, что слушатели боялись пошевелиться, загипнотизированные любовным шаманством "жильца могил".

Второе отделение состояло из произведений Рахманинова и Мусоргского. И вот в романсе Рахманинова "Дитя! Как цветок ты прекрасна" нам предстал совсем иной Дмитрий Хворостовский, в голосе которого появляются свет и окрыленность. В завершение концерта он опять вернулся к своей, теперь, видимо, излюбленной теме и исполнил цикл "Песни и пляски смерти" Мусоргского. Тут было и совершенное владение вокальными средствами, и актерское мастерство, и, главное, увлекающая магическая сила. Далеко не последнюю роль сыграл во всей программе и чуткий аккомпанемент Михаила Аркадьева.

На бис прозвучали любимые публикой и певцом произведения Чайковского: ария Елецкого из "Пиковой дамы", "Серенада Дон Жуана" и снова "Ноченька". И хотя Дон Жуан обнаружил скорее мифистифельские черты, князь Елецкий предстал столь обольстительным, что если бы я была Лизой, то никогда не променяла бы его на Германа.

